

на генерального прокурора Республики Беларусь и подчиненных ему нижестоящих прокуроров.

В связи с вышеизложенным следует констатировать, что должностные лица органов предварительного следствия при выявлении нарушений закона, допущенных органом дознания при производстве им по материалам проверки и уголовному делу до передачи их следователю, не уполномочены на внесение представлений в порядке ст. 199 УПК. Вместе с тем очевидно и иное. Без надлежащего реагирования со стороны органов предварительного следствия подобные случаи оставаться не должны. Прежде всего в подобной ситуации действия следователя в соответствии с его уголовно-процессуальными полномочиями должны быть направлены на непосредственное устранение допущенных правовых ошибок. При недостаточности у следователя к этому правового арсенала ему следует обращаться за содействием к начальнику следственного подразделения для применения им полномочий, предусмотренных п. 6 и 16 ч. 2 ст. 35 УПК. Помимо этого в случае необходимости следователю нужно в установленном законодательством порядке инициировать перед надзирающим прокурором вопрос о реализации последним прокурорско-надзорных полномочий, предусмотренных ст. 34 УПК.

УДК 343.1(035.3)

С.А. Сергеев, В.И. Балко

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И НЕГЛАСНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

С 1 января 2015 г. в законную силу вступил новый УПК РК, направленный на реализацию уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики, а также на упрощение и повышение эффективности уголовного процесса в Республике Казахстан. В гл. 30 УПК РК введен новый юридический термин «негласные следственные действия», который заимствован из юридической практики стран Западной Европы.

Введение в уголовно-процессуальное законодательство данного правового института направлено на более полное использование в уголовном процессе материалов, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности.

В ст. 7 УПК РК дано разъяснение этого понятия: негласное следственное действие – действие, проводимое в ходе досудебного производства без предварительного информирования лиц, интересов которых оно касается, в порядке и случаях, предусмотренных УПК РК.

Перечень негласных следственных действий обозначен в ст. 231 УПК РК. В настоящее время в законодательстве РК их выделено восемь видов.

Это связано законодательно и правоприменительно со стремлением сотрудников правоохранительных и специальных государственных органов совершать один из восьми видов негласных следственных действий для получения фактических данных по уголовному делу.

Негласные следственные действия, как правило, производятся по поручению органа досудебного расследования уполномоченным подразделением правоохранительного или специального государственного органа с использованием форм и методов оперативно-розыскной деятельности [1].

Негласные следственные действия проводятся: по делам о преступлениях, санкция за совершение которых предусматривает наказание в виде лишения свободы свыше одного года; по преступлениям, подготавливаемым и совершаемым преступной группой.

Порядок процедуры проведения негласных следственных действий определяется специальными государственными органами по согласованию с генеральным прокурором. Особенностью является возможность процедуры проведения негласных следственных действий лишь в случаях, когда информация об обстоятельствах дела не может быть получена путем проведения следственных действий.

Негласные следственные действия проводятся в Казахстане с санкции следственного судьи специализированного следственного суда, специализированного межрайонного следственного суда на основании мотивированного постановления лица, осуществляющего досудебное расследование, либо иных должностных лиц, уполномоченных УПК РК на вынесение соответствующего постановления.

В течение долгого периода между законодателями и правоприменителями проводились разные дискуссии, которые не прекращаются до сих пор, по вопросам негласных следственных действий, соблюдения законности во время их проведения, допустимости результатов в качестве фактических данных, принципиальных различий настолько подобных между собой негласных следственных действий и специальных оперативно-розыскных мероприятий.

В настоящее время имеют место несколько подходов к оценке института негласных следственных действий, даже диаметрально противоположных.

Одни ученые поддерживают эти нововведения и высказывают рекомендации по их совершенствованию. Даже предлагают «увеличить количество негласных следственных действий» [2].

Другие усматривают «определенные проблемы в адаптации негласных следственных действий к уголовно-процессуальной деятельности» [3].

Таким образом, негласные следственные действия не получили необходимой и совершенной процессуальной формы, которая послужила бы достаточным основанием для признания их доказательствами.

Возникает закономерный вопрос: как может правомерно проводиться негласное следственное действие, если процессуальный порядок его проведения законом не регламентирован?

УПК РК и Законом Республики Казахстан от 5 июля 2018 г. № 176-VI ЗРК «Об адвокатской деятельности и юридической помощи» запрещается проводить негласные следственные действия в отношении адвокатов, осуществляющих профессиональную помощь.

Однако довольно часто в практике происходят события, когда при проведении такого негласного следственного действия, как негласный аудиоконтроль в отношении подозреваемого в совершении уголовного правонарушения, к нему приходит адвокат. Совместно они уточняют, какую выбрать линию защиты и, естественно, обсуждают совершенное подзащитным уголовное правонарушение.

По Закону РК от 15 сентября 1994 г. № 154-XIII «Об оперативно-розыскной деятельности» технически такие негласные следственные действия осуществляются органами национальной безопасности РК, для чего им выделяются необходимые силы и средства. Прервать или отключить технические средства оперативный сотрудник не может.

По окончании проведения данного негласного следственного действия его результаты, зафиксированные на электронный носитель, передаются следователю. Проведенная негласная аудиозапись не будет являться доказательством, но она приобщается к материалам уголовного дела и прослушивается всеми участниками уголовного процесса, в том числе в суде.

Налицо нарушение конституционного законодательства, гарантирующего право на защиту и право адвоката на свидание, которое проходит конфиденциально.

Некоторые ученые принципиально не согласны с введенным институтом негласных следственных действий. По их мнению, оперативно-розыскные мероприятия в УПК РК названы «негласными следственными действиями», но, по существу, таковыми не являются. Они только проводятся по инициативе следователя, а после их проведения исследуются, по результатам чего составляется протокол негласных следствен-

ных действий, хотя по сути своей они являются оперативно-розыскными мероприятиями [4].

В данном случае нужно отметить, что их сходство заключается и в том, что их названия также идентичны. Такая идентичная терминология понятий видов оперативно-розыскных мероприятий и сходных видов негласных следственных действий приводит к исключению важнейшей части оперативно-розыскной деятельности, а именно специальных оперативно-розыскных мероприятий, и в конечном итоге нивелирует оперативно-розыскную деятельность как вид государственной деятельности, другими словами, нивелируется оперативно-розыскное сопровождение уголовного судопроизводства.

Без привлечения сил и средств оперативно-розыскной деятельности не обходится ни одно досудебное расследование уголовных правонарушений.

С юридической точки зрения целью проведения как негласных следственных действий, так и специальных оперативно-розыскных мероприятий является поиск доказательств по конкретному уголовному делу.

Однако оперативно-розыскные мероприятия регламентируются не законом, а подзаконными ведомственными нормативными актами, поэтому отнесение некоторых оперативно-розыскных мероприятий к следственным действиям, пусть и негласным, не наделяет их доказательственным значением. Тем более что документирование специальных оперативно-розыскных мероприятий и негласных следственных действий ограничено грифом «ДСП» – для служебного пользования, что требует доступа ограниченного круга лиц и затрудняет трансформацию полученных результатов в уголовный процесс.

Таким образом, предлагаем в гл. 30 УПК РК «Негласные следственные действия» оставить только следующие негласные следственные действия: негласные аудио- и (или) видеоконтроль лица или места; негласное наблюдение за лицом или местом. Остальные виды негласных следственных действий целесообразно исключить.

По нашему мнению, нельзя допускать консолидацию уголовно-процессуального права и оперативно-розыскной деятельности, следует обеспечивать их взаимодействие в выявлении, раскрытии, расследовании и предотвращении уголовных правонарушений.

1. Когамов М.Ч. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан. Т. 2. Особенная часть. Алматы, 2015.

2. Банчук А.А. Начало досудебного расследования и негласные следственные действия в новом УПК Республики Казахстан: международные стандарты и практика их применения [Электронный ресурс] // Zakon.kz. 2014. Ноябрь.

URL://www.zakon. kz/4676710-nachalo-dosudebnogo-rassledovanija-i.html (дата обращения: 14.09.2020).

3. Ахпанов А.Н. Конструктивно-критический подход к проекту новой редакции УПК Республики Казахстан // Право и государство. № 3. 2013. С. 51–55.

4. Толеубекова Б.Х. Система следственных действий по проекту новой редакции Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан // Современные взгляды на систему права. М., 2013. С. 12–19.

УДК 343.98.068

В.С. Соркин

О ЗАЩИТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН В ХОДЕ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В соответствии со ст. 7 УПК Республики Беларусь к одной из непосредственных задач уголовного процесса законодатель относит защиту личности, ее прав и свобод от преступных посягательств. Проанализируем отдельные нормы уголовно-процессуального законодательства, которые, на наш взгляд, весьма существенно ограничивают реализацию гражданами защиту своих прав и законных интересов в ходе приостановления производства по уголовному делу.

В соответствии с ч. 1 ст. 247 УПК Республики Беларусь в случае приостановления предварительного следствия следователь обязан письменно уведомить потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей и одновременно разъяснить им, что постановление о приостановлении предварительного следствия может быть обжаловано прокурору.

УПК Республики Беларусь в отличие от уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации не предусматривает право на обжалование данного процессуального решения в суд [1]. В связи с этим возникает ряд вопросов, которые, по-нашему мнению, должным образом не урегулированы уголовно-процессуальным законодательством. Так, участникам уголовного процесса, перечисленным в ч. 1 ст. 247 УПК Республики Беларусь, копия постановления о приостановлении предварительного расследования по уголовному делу не вручается. Вряд ли подобное обстоятельство может свидетельствовать об эффективности защиты прав и законных интересов граждан в ходе досудебного производства по уголовному делу.

На наш взгляд, данный пробел законодателя может быть устранен путем наделения участников процесса, указанных в ч. 1 ст. 247 УПК Республики Беларусь, правом обратиться с просьбой о вручении копии

постановления о приостановлении предварительного расследования. Заметим, что уголовно-процессуальным законодательством Республики Беларусь вообще не предусмотрено право потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей на ознакомление с материалами приостановленного уголовного дела. По нашему мнению, данное обстоятельство не отвечает задачам уголовного процесса в части защиты личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства путем быстрого и полного расследования преступлений. Думается, что целесообразно закрепить в законе (по аналогии с ч. 3 ст. 252 УПК Республики Беларусь) право для потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей на ознакомление с материалами приостановленного уголовного дела. Такая же норма уголовно-процессуального закона была бы уместна и по аналогии с ч. 2 ст. 252 УПК Республики Беларусь, где речь идет о вручении копии постановления о прекращении предварительного расследования либо уголовного преследования (за исключением ч. 1 ст. 59¹ УПК Республики Беларусь). Мы, безусловно, учитываем разницу между уголовно-процессуальными терминами приостановления предварительного расследования, означающий временный перерыв в процессуальности деятельности, который обусловлен указанными в законе основаниями, и прекращением предварительного расследования либо уголовного преследования, которым констатируется факт прекращения всего производства по уголовному делу. Солидаризируемся с мнением А.В. Гриненко в той части, где он утверждает, что не является формой окончания предварительного расследования сама процедура его приостановления, так как данное решение относится к разряду промежуточных [2, с. 491–502].

Тем не менее не следует забывать и об уголовно-процессуальных гарантиях, установленных для участников уголовного процесса в части реализации ими своих прав и законных интересов. Что же касается недопустимости разглашения данных предварительного расследования при приостановлении производства по уголовному делу, то наличие ст. 59¹ и 198 УПК Республики Беларусь создает эффективный механизм защиты и интересов государства в уголовном процессе.

Остановимся еще на ряде некоторых противоречиях уголовно-процессуального законодательства в части реализации прав и законных интересов участников уголовного процесса, указанных в ч. 1 ст. 247 УПК Республики Беларусь, в ходе приостановления предварительного расследования. Ст. 50–56 УПК Республики Беларусь прямо предписывают для потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей право получать от органа, ведущего уголовный процесс, уведомления о принятии решений, затрагивающих их права и интересы,